

веков, эти реликты прошлого трансформировались под влиянием развития общества и его идеологии.

Особенно наглядно это проявляется в переплетении древних верований и обрядности с мусульманством.

Автор, несомненно, будет продолжать свои исследования дальше, в связи с этим хочется высказать ему свои пожелания. Традиционный быт туркмен, казахов и киргизов вследствие прочного сохранения у них родо-племенных традиций дает большие возможности для выяснения преемственной связи почитания конкретных персонажей с культом предков. Поэтому желательно продолжить изучение этого вопроса в частности, изучить в этом аспекте и культ «святых женщин». В книге В. Н. Басилова этот вопрос, к сожалению, совсем не затронут. Между тем имеющийся материал показывает, что у узбеков и таджиков (несмотря на давнее господство у них патрилинейных родственных связей и патриархальной идеологии) женские культы отнюдь не были в пренебрежении.

Древние матриархальные культы нашли отражение, например, в широко распространенном у названных народов почитании таких «святых женщин», как Биби Сешанбе и Биби Мушкилькушо (госпожа Вторник и госпожа Разрешающая затруднения), Святая Фатима и т. п. Надо думать, что при дальнейшем изучении народных верований обнаружатся другие подобные культы. Описать и проанализировать культы «святых женщин» в книге о верованиях мусульман очень важно: именно в среде женщин, где отсталые представления и суеверия чаще всего находили себе приют, культ «святых женщин» был особенно живуч.

Еще одно замечание: книга не лишена научного аппарата. Однако ссылки, которые мы в ней находим, не исчерпывают имеющейся литературы. А привести ее было бы важно. Научный аппарат должен быть достаточно богатым, чтобы им могли воспользоваться и читатели-неспециалисты, и исследователи этой проблемы. Автор книги проработал массу литературы, состоящей почти исключительно из мелких статей, разбросанных большей частью по дореволюционным изданиям. Полная библиография по данному вопросу могла бы оказать значительную помощь как исследователям смежных проблем, так и начинающим ученым, особенно в национальных республиках.

Несмотря на ряд высказанных замечаний, и на то, что в книге далеко не все вопросы темы нашли обстоятельное освещение, нельзя не порадоваться выходу в свет этой талантливо написанной работы, в которой новизна добытых «в поле» сведений удачно дополняется правильным выбором обширного сравнительного материала.

О. А. Сухарева

З. В. Гоголев. Якутия на рубеже XIX—XX вв. Новосибирск, 1970.

Вопрос об уровне социально-экономического развития народов Сибири в конце XIX — начале XX в., в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно привлекал к себе внимание историков, этнографов, экономистов. Однако эта большая проблема еще слабо изучена. Это объясняется не только сравнительной скудостью источников, но и многоплановостью и сложностью самой темы.

Книга З. В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX—XX вв.» посвящена оценке общественного строя Якутии накануне великих социальных преобразований, вызванных Октябрьской революцией. Следует отметить, что социально-экономическое положение дореволюционной Якутии, вопросы о вызревании капитализма, зарождении рабочего класса и расщепления якутского крестьянства подвергались серьезному анализу в ряде работ, посвященных как общим вопросам, так и отдельным узловым проблемам истории этого края¹. Однако характер и объем этих трудов не позволял их авторам подробно осветить эти глубокие изменения и дать им всестороннюю оценку. Это обстоятельство, как пишет автор рецензируемой работы, и побудило его детально исследовать состояние хозяйства, общественные отношения и классовую борьбу в тот бурный период истории якутского народа.

Действительно, в книге тщательно суммированы имеющиеся статистические и документальные материалы по этим вопросам, в том числе широко использованы этнографические данные. Автор рассматривает новые социальные и экономические явления, возникшие в конце XIX в., на фоне традиционных хозяйственно-культурных комплексов, издавна сложившихся в якутском крае.

В первой главе на основе этнографических и статистических источников характеризуются условия существования и особенности хозяйства якутов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей и русских Якутской области. Описание занятий, типов жилищ, пищи, одежды, средств передвижения позволили автору показать примитивность материальной культуры населения. Справедливо подчеркнуты в книге тяжелые условия жизни

¹ С. В. Бахрушин, Исторические судьбы Якутии, сб. «Якутия», Л., 1927; С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940; «История Якутской АССР», т. II, М., 1957; А. И. Новгородов, Октябрьская революция и гражданская война в Якутии, Новосибирск, 1969.

основной массы жителей края, страдавших от голода, эпидемий, нищеты и невежества. В отдаленной, слабо населенной области с особой остротой проявлялась экономическая отсталость.

Однако, как убедительно показано в книге, капиталистический уклад, товарно-денежные отношения и здесь в конце XIX — начале XX в. властно пробивали себе дорогу. Особое значение в этом отношении имели возникшие во второй половине XIX в. Ленские золотые прииски. Якутия (южные округа) стала поставщиком продуктов для золотой промышленности. В рыночные связи были втянуты широкие массы якутского крестьянства.

Значительный фактический материал, приведенный автором во II главе, свидетельствует об усилении экономических связей Якутии с Центральной Россией. Огромное количество пушнины вывозилось из Якутского края на продажу в города и за границу. Из года в год расширялись перевозки грузов. В 1917 г. по Лене курсировало 38 пароходов. Развитие торговли, рост товарооборота привели к тому, что в области появились крупные торговые фирмы, торговые объединения, банки, ссудные кассы. Эти же факторы способствовали разложению натурального хозяйства, развитию мелкотоварного уклада, что хорошо показано на конкретном материале в III главе. В изучаемый период в основных отраслях скотоводства и земледелия Якутии произошли существенные изменения. Появились сельскохозяйственные машины. Ускоренно расширялись сенокосные угодья. Постепенно улучшалась породность скота, увеличались посевы зерновых и огородных культур. Однако эти процессы были характерны не для всей Якутии, а преимущественно для Олекминского и Якутского и отчасти Вилюйского округов, тогда как в северных округах господствовало натуральное хозяйство. В крайне примитивной, традиционной форме сохранилось скотоводство в бедняцких и середняцких хозяйствах.

Особый интерес для этнографа представляет IV глава, посвященная поземельным отношениям. В конце XIX — начале XX в. в Якутии сохранялось общинное землевладение и соседская община. Якутские эксплуататорские элементы — баи и тойоны — оставались членами общины и номинально подчинялись ее постановлениям. Автор подробно описывает так называемую «классную систему землевладения», периодические переделы земель, ежегодные подрагивания паев по урожаям трав и т. д. Анализ земельных отношений привел З. В. Гоголева к справедливому заключению о том, что общинная система не мешала зажиточной кулацко-тойонской верхушке постоянно пользоваться лучшими землями и не препятствовала классовой эксплуатации.

Значительное внимание уделено в работе социальной структуре якутского общества, формам эксплуатации, в том числе и капиталистическим, классовому расслоению (глава V). Автор привел убедительные факты о зарождении якутской национальной буржуазии и якутского пролетариата, в основном наемных сельскохозяйственных рабочих, батраков.

Указывая на сложность социальной структуры Якутии на рубеже XIX—XX вв., автор остановился на характеристике общинных традиций, пережитков уравнительного распределения охотничьей добычи, родовой взаимопомощи и т. д. З. В. Гоголев справедливо подчеркнул, что развитых форм феодализма Якутия не знала.

В XIX — начале XX в. преобладающими производственными отношениями в Якутии, по мнению автора, были патриархально-феодалные, а в их недрах зарождались элементы капитализма (стр. 116). В целом в Якутском крае наблюдалось, как пишет З. В. Гоголев, «причудливое переплетение раннеклассовых, феодальных и капиталистических отношений». Выводы автора о многоукладности, о переходном характере социально-экономического облика Якутии в рассматриваемое время представляются хорошо обоснованными. Они подкреплены данными, приведенными в VII главе, посвященной колониальной политике царизма.

В двух заключительных главах изложены материалы, свидетельствующие о зарождении общественных движений. В период первой русской революции при участии политических ссыльных здесь возникла социал-демократическая организация. Якутская национальная буржуазия в этот период представляла определенную политическую силу. Она пыталась создать свою политическую организацию «Союз якутов» и требовала, преследуя свои классовые интересы, земского самоуправления и своего представительства в Государственной думе. Под влиянием ссыльных большевиков идеи пролетарской революции усиленно проникали в среду якутского пролетариата. Якутские пролетарии встретили 1917 г. под руководством своей партии.

Таким образом, книга «Якутия на рубеже XIX—XX вв.» дает яркую картину социально-экономического развития этой страны. Вместе с тем следует указать, что отдельные темы, такие, как общинные порядки, обычное право, рассмотрены излишне бегло. Для характеристики общественного строя было бы желательно больше внимания уделить вопросу об экономических связях между отдельными округами Якутии. Спорным представляется утверждение, высказанное автором вслед за М. А. Сергеевым, что земля у народов Крайнего Севера находилась во владении родовой общины (стр. 139). По существу, род у народов Севера в конце XIX в. превратился лишь в институт, регулировавший брачные отношения. У народов Севера, так же как и у якутов, утвердилась соседская община².

² «Общественный строй у народов северной Сибири», М., 1970, стр. 384—417.

В целом книга З. В. Гоголева, анализирующая особенности развития капитализма в Якутии, раскрывающая историю этого края в предреволюционный период, будет полезна не только историкам и этнографам-сибироведам, но также исследователям других национальных окраин бывшей царской России. Несомненный интерес представляет рецензируемая работа для решения вопроса об этническом развитии якутов. Приведенный в книге фактический материал свидетельствует о том, что якуты в конце XIX — начале XX в. уже складывались в буржуазную нацию.

И. С. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, 734 стр.

Выход в свет монографии Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина — значительное событие не только для индологии, но и для востоковедческой науки вообще. По существу, это первый обобщающий марксистский труд по истории древней Индии, охватывающий громадный период от раннего палеолита до Кушано-Гуптского периода включительно. Исследование древнейших этапов истории человечества, базирующееся, как правило, на данных археологии и палеоантропологии, — одна из труднейших проблем исторической науки, независимо от того, какой регион является объектом изучения. В отношении же Индии эта задача значительно усложняется в связи с рядом ее специфических особенностей.

Индия на всем протяжении ее многовековой истории никогда не представляла единства ни в расовом, ни в лингвистическом, ни в этническом, ни, наконец, в политическом отношении. Тем не менее на этой территории в результате длительного и сложного процесса взаимодействия различных этнических компонентов сложилась особая культура, которую можно назвать индийской. При всей пестроте и неоднородности населения Индии можно говорить о ряде общих явлений культуры, отличающих Индию от других культурно-исторических областей.

Исследование всего сложного комплекса явлений, составляющих понятие культуры, невозможно, особенно применительно к Индии, без тщательного изучения самых ранних этапов ее развития. Во всех трудах по Индии, общих и специальных, изложение истории начинается обычно со времени появления первых датированных письменных памятников, т. е. с периода Ашоки (III в. до н. э.). Тщательное исследование разнообразных источников (данных археологии и палеоантропологии, нумизматики и глиптики, эпиграфики и древнеиндийской литературы), анализ социально-экономических отношений в сочетании с изучением этапов развития культуры и идеологии позволили авторам рецензируемой книги создать новую периодизацию древнеиндийской истории и отодвинуть нижнюю границу индийской истории вглубь на несколько тысячелетий.

История древней Индии распадается на три большие эпохи, которым в монографии соответствуют три раздела: I — древнейшая Индия (стр. 69—222), II — Индия в Магадхско-Маурийский период (стр. 225—472) и III — Индия в Кушано-Гуптский период (стр. 475—694).

Первый раздел состоит из восьми глав: Индия в период каменного века; древнейшая цивилизация Инда; арийская проблема; древнейшая цивилизация в долине Ганга; происхождение варн; оформление сословно-кастового строя; ведийская религия; культура древнейших индийцев; племенной мир в первой половине I тысячелетия до н. э.

Второй и третий разделы посвящены уже относительно разработанным в исторической науке периодам, обеспеченным надежными источниками. Однако в силу ряда причин (главным образом из-за отсутствия в прошлом исторической традиции в самой Индии, а также ввиду религиозно-философского характера древнеиндийской литературы) исследование даже более поздних этапов ее истории порой превращается в сложнейшую проблему. Во II и III разделах большое внимание уделено особенностям социально-экономического развития, общественного строя и идеологии Индии, а также последовательно излагается ее политическая история и история культуры. Кратко, но достаточно выразительно отражены основные достижения древних индийцев в литературе и философии, искусстве и архитектуре, астрономии и математике.

В книге большое внимание уделено истории индийских религий: авторы попытались осветить все этапы развития религиозных воззрений индийцев — от первобытных верований до формирования классических религиозных систем. Такое внимание к этой сфере идеологической жизни вполне оправданно для страны, где во все времена, вплоть до настоящего, религия оказывала огромное влияние на характер общества и его культуру.